

«ВОЙНЫ ЗА РОДИНУ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ АБХАЗИИ И ДОНБАССА)¹

С.Я. Суций

Аннотация. В статье на материалах Абхазии и востока Украины анализируются этнодемографические последствия постсоветских вооруженных конфликтов, происходивших в ближнем зарубежье России. Делается вывод, что их негативный демографический результат значительно превышал сумму боевых потерь и жертв среди мирного населения. Неизбежным следствием таких войн оказывалась масштабная депопуляция общества, основной причиной которой являлся отток населения. Население Абхазии в результате войны сократилось в 2,5 раза, Донбасс потерял 10–20% своих жителей. Негативные последствия депопуляции не ограничивались областью демографии, оказывая системное воздействие на все основные сферы жизнедеятельности общества, минимизируя для него возможности реализации динамичного сценария социально-экономического развития. Сдвиги в этнодемографической структуре населения воевавших обществ коррелировали с причинным основанием войны. Конфликты, обусловленные межнациональными противоречиями, приводили к быстрым и очень значительным изменениям этнического состава населения, как это произошло в Абхазии. Но и в постсоветских войнах, вызванных другими причинами, такие сдвиги оказывались неизбежными. Однако они происходили постепенно, через формирование этнодемографического тренда, результаты которого могли становиться очевидными в среднесрочной перспективе (случай Донбасс).

Ключевые слова: постсоветское общество, вооруженный конфликт, межнациональные противоречия, этнодемографическая динамика, миграционные процессы.

Суций Сергей Яковлевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, 41, SS7707@mail.ru.

---

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII–начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

“WARS FOR THE MOTHERLAND” IN THE POST-SOVIET SPACE: ETHNO-DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES (BASED ON MATERIALS FROM ABKHAZIA AND DONBASS)

S.Ya. Suschij

Abstract. The article uses materials from Abkhazia and Eastern Ukraine to analyze the ethno-demographic consequences of post-Soviet armed conflicts that occurred in Russia's near abroad. It is concluded that the negative demographic result significantly exceeded the amount of combat losses and casualties among the civilian population. The inevitable consequence of such wars was a large-scale depopulation. The main reason for this depopulation was the outflow of population. The population of Abkhazia decreased by 2,5 times as a result of the war, and the Donbass lost 10–20% of its inhabitants. The negative effects of depopulation were not limited to demographics. They had an impact on the main aspects of society's life, significantly reducing its ability to implement a dynamic scenario of socio-economic development. Shifts in the ethno-demographic structure of the population of warring societies correlated with the causal basis of the war. Conflicts related to interethnic contradictions led to rapid and very significant changes in the ethnic composition of the population (the scenario of Abkhazia). But even in the post-Soviet wars caused by other causes such shifts were inevitable. However, they occurred gradually. A stable ethno-demographic trend was formed, the results of which became apparent only in the medium term (the Donbass scenario).

Keywords: post-Soviet society, armed conflict, interethnic contradictions, ethno-demographic dynamics, migration processes.

Системный кризис и распад СССР привели к череде вооруженных конфликтов, которые для их участников с обеих сторон противостояния воспринимались и артикулировались как войны за Родину. Данный парадокс был напрямую связан с комплексом деструктивных процессов данного времени. При всем формализме советской идеологии, Советский Союз являлся большой Родиной для десятков миллионов людей. Именно наличие «собственного» огромного государства под-держивало и воспроизводило многоэтажную пирамиду социотерриториальных идентичностей полиэтнического населения многих регионов СССР. Данная пирамида рухнула вместе с крушением самого Советского Союза, актуализировав для миллионов жителей страны вопрос о своей Родине.

Выяснилось, что у абхазов и грузин в Абхазии или у армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе Родины не совпадают. Действительно, для грузинского населения Гантиади и Нового Афона, Абхазия, конечно, являлась родиной, но малой, представлявшей органическую часть Грузии, как государства и как большой этнокультурной Родины всего грузинского народа. А для абхазов этнокультурной Родиной являлась сама Абхазия. И распад СССР означал для них демонтаж не только самой большой советской, но и промежуточной грузинской социотерриториальной идентифицирующей общности.

На самом деле, использованное выше определение «выяснилось» не совсем точно для описания ситуации зрелой и поздней Перестройки. Композиция и соотношение отдельных составляющих в сложных идентификационных комплексах народов Советского Союза если и не были константами, то представляли конструкторы достаточно устойчивые во времени (по крайней мере, в пределах Кавказа). Практически ни один из постсоветских вооруженных конфликтов в данном макрорегионе не был порождением процессов рубежа 1980–1990-х гг. Все они были глубоко укоренены в этнополитической и социальной истории Кавказа.

Итак, именно распад большой советской Родины стал причиной коренной ломки сложившихся идентификационных комплексов у народов макрорегиона. Данный процесс был напрямую связан с подъемом местных националистических движений. Этот параллельно растущий национализм совместно проживающих народов (этнических групп) с конца 1980-х гг. становится основным фактором эскалации взаимной конфликтности. Причем, центральной идеологемой, проникающей (а затем, по сути, оккупирующей) широкое общественное сознание всех участников такого конфликтного взаимодействия становится теоретический конструкт «своей земли, родины предков». Необходимость ее защиты оправдывало насилие по отношению к врагам, посягающим на данную сакральную ценность, объясняло жестокость вооруженного противоборства и неуступчивость сторон в приходившем на смену войне переговорном процессе. Родина (родная земля, каждая ее пядь) не может быть предметом для торга или прагматического компромисса.

С другой стороны, именно присутствие национализма в качестве одного из центральных содержательных элементов таких постсоветских войн за родину

предопределяло кардинальные этнодемографические последствия большинства из них. Преобладание, тем более победа одной из сторон, становилась сигналом для массового исхода населения, представлявшего проигравшую национальную сторону.

Исторически новыми на постсоветском пространстве стали конфликты, в основе которых лежали не межнациональные противоречия, а глубокие социоментальные и социокультурные отличия отдельных территориальных сообществ (регионов) в государствах, возникших на обломках СССР. При взаимном наложении определенных обстоятельств, работавших в качестве детонатора социальной напряженности, эти отличия становились серьезным фактором конфликтности, способной достигать стадии вооруженного противоборства (Приднестровье, Донбасс).

Впрочем, и в данных конфликтах не обошлось без весомой националистической содержательной компоненты. В Приднестровье центральным катализатором противостояния стало отторжение молдаво-румынского националистического проекта территориальным сообществом Приднестровья, сформированным и несколько десятилетий успешно существовавшим по лекалам советского интернационализма [Ягужинский, 2007]. Востоком Украины аналогичным образом отторгались националистически-прозападные политические группировки, пришедшие к власти в Киеве силовым путем.

Но заметим, что и подобные вооруженные конфликты значительной частью участников с обеих сторон воспринимались как войны за Родину, которая опять-таки оказывалась у них разной, хотя уже без отчетливой этнической маркировки. Особенно рельефно «отечественный» оттенок обнаруживался в конфликте на востоке Украины. Местные ополченцы Донбасса летом 2014 г. воевали за свою землю как за часть России и Русского мира. На помощь им, защищать «дальние рубежи» родины, направлялись добровольцы из всех регионов Российской Федерации. Но и с украинской стороны конфликта воевать за родину (рідну Україну) в национальные батальоны и ВСУ шли многочисленные добровольцы.

Причем для противоборствующих сторон было характерным осязаемое смысловое соотнесение современного конфликта с Великой Отечественной войной. Для ополченцев и сторонников Новороссии новая украинская власть прямо ассоциировалась с фашизмом (фашистская хунта). Но и украинская сторона разнообразно апеллировала к памяти той великой войны¹.

Таким образом, вооруженный конфликт на Донбассе, в известном смысле, можно определить, как радикальный способ определения большой Родины Донбасса – является ею Россия или Украина. Если административно и экономически регион уже около столетия был вписан в территориальную систему и хозяйственный комплекс Украины (как союзной республики СССР, а затем самостоятельного

---

¹ Для примера укажем только на текстовую обработку «Священной войны», знаковой песни Великой Отечественной войны. В современной украинской версии один из ее куплетов выглядел следующим образом: «Отстань, страна огромная, иди к себе домой; ты прешь к нам силой темною, проклятою ордой».

государства), то в социокультурном и историко-культурном плане Донбасс все это время, по сути, оставался частью русского мира. И закономерно, что значительная часть местного населения ментально и социопсихологически ассоциировала себя и свой регион в первую очередь с Россией. Но и этнокультурная привязка к украинскому народу на Донбассе, учитывая национальную структуру его населения, всегда оставалась достаточно весомой.

Вплоть до конца XX в. обе родины вполне органически совмещались в менталитете и общественном сознании местного населения. Однако совокупность по преимуществу экзогенных по отношению к региональному социуму факторов в середине 2010-х гг. сложилась таким образом, что системный разлом между двумя корневыми этносоциокультурными системами региона стал неизбежностью и закончился для Донбасса большой кровью.

Формат журнальной публикации не позволяет с необходимой детализацией проанализировать этнодемографические последствия всех постсоветских вооруженных конфликтов, имевших место в ближнем зарубежье России. Для более развернутого анализа представляется возможным остановиться на двух из них (по одному от каждого из обозначенных выше типов конфликтов). Из конфликтов, основу которых составляли межнациональные противоречия, было выбрано грузино-абхазское противостояние, как характерное для своего типа. Из конфликтов иного причинного генезиса – война на востоке Украины, в которой «отечественные» элементы проявились особенно отчетливо.

При изучении этнодемографической динамики постсоветских Абхазии и Донбасса использовались результаты всесоюзных и постсоветских переписей населения, аналитические отчеты российских и международных (в т.ч. правозащитных) организаций, научная периодика и монографические исследования, посвященные социодемографическим, миграционным, этнокультурным процессам в этих территориальных обществах. Данная проблематика привлекала внимание представителей широкого круга научных дисциплин (демографов, конфликтологов, этнополитологов, социальных географов и др.). Отметим работы Н.В. Багапша, В.И. Мукомеля, Н.А. Ямскова, диссертационное исследование А.Ш. Хашбы и др. [Багапш, 2017; Мукомель, 1999; Ямсков, 2009, 2011; Хашба, 2015]. Вместе с тем, многие значимые моменты анализируемой темы требуют своего более детального изучения.

АБХАЗИЯ

Грузино-абхазский этнополитический конфликт, неуклонная эскалация которого фиксировалась с конца 1980-х гг., перерос в военную стадию в августе 1992 г. Боевые действия продолжались более года. Общее число жертв конфликта за это время по оценкам международных организаций и различных исследователей составило порядка 9–12 тыс. человек. При этом потери сторон в целом были сопоставимы [Мукомель, 1999, с. 67].

Однако куда более масштабными оказались демографические потери, связанные с миграционным оттоком. После военной победы абхазской стороны пределы республики покинуло более 200 тыс. местного грузинского населения. И численность жителей Абхазии с 525 тыс. человек (1989 г.) сократилось к середине 1990-х гг. до 200 тыс. человек. Свою роль в столь масштабном сокращении помимо массового исхода грузин сыграл отток значительной части представителей всех этнических меньшинств, включая армян и русских (крупнейшие диаспоры республики).

Существенным образом изменилась и этническая география республики, прежде всего вследствие сокращения системы расселения грузин, почти полностью покинувших Сухум и значительную часть районов Абхазии (Гагрский, Сухумский, Гульрипшский, Очамчирский) в пределах которых они количественно доминировали еще на рубеже 1980–1990-х гг.¹

Соответственно, ощутимо различались и масштабы общей депопуляции отдельных территорий, прямо коррелировавшие с удельным весом грузин, проживавших в них до вооруженного конфликта. В 3–3,5 раза сократилось число жителей Сухума и его окрестностей, а также Очамчирского, Гульрипшского, Гальского районов; в 1,7–2 раза Гагрского и Гудаутского. Многократно в 1993–1994 гг. сократилось и население самого южного Гальского района, территории которого входила в систему этнического расселения грузинского народа (в 1989 г. грузины/мегрелы составляли почти 94% его жителей).

Дальнейшая динамика численности населения республики представляла кривую, направление и амплитуда количественных пульсаций которой, в первую очередь, определялись состоянием абхазо-грузинских отношений, с которыми прямо коррелировала миграционная циркуляция населения именно Гальского района республики. Покинув данную территорию в период финального наступления абхазских вооруженных формирований, грузинское население в последующие годы стихийно и достаточно массово возвращалось к местам своего постоянного проживания. Данный процесс был прерван в 1998 г. новым грузино-абхазским обострением, вызвавшим волну беженцев, спустя некоторое время опять начавших возвращаться в Абхазию.

Аналогичное маятниковое движение грузинского населения, но в еще больших масштабах, последовало в конце 2000-х гг. (бегство из Гальского района в 2008 г. и возвратное движение в последующие годы) [Живущие неопределенностью, 2011]. Количественные масштабы таких повторяющихся миграционных циклов достигали 30–50 тыс. человек, т.е. могли составлять 15–25% (и более) от общей численности населения Абхазии.

Вместе с тем, две переписи населения Абхазии, проведенные в 2003 и 2011 гг., как и более поздние оценки, построенные на данных текущего демографического учета, с одной стороны, фиксировали некоторый рост общей численности жителей

---

¹ Из перечисленных только в Гагрском районе грузины в конце 1980-х гг. количественно минимально уступали местной армянской общине.

республики (с 215 тыс. до 240 тыс. человек за межпереписный период), а с другой — стабилизацию национальной структуры ее населения, в которой уже количественно доминировали титульные абхазы. Их доля в 2000-е гг., согласно результатам данных переписей, выросла до 40–42% (в 1989 г. она составляла 17,8%, а удельный вес грузин снизился до 18–19%. (в 1989 г. — 45,7%).

Однако эти данные (как абсолютные цифры, так и долевые показатели) вызывают у специалистов серьезные сомнения. По расчетам А.Н. Ямскова, в середине 2000-х гг. в республике проживало порядка 70–75 тыс. абхазов и 60–70 тыс. грузин [Ямсков, 2009, с. 232]. Показательно, что, согласно данным официальной республиканской статистики, на 1 января 2009 г. в Абхазии проживало 96,3 тыс. абхазов [Ямсков, 2011]. Однако проведенная двумя годами позже перепись 2011 г. обнаружила их уже 122,3 тыс. человек [Абхазия — этнический состав, 2011]. Даже если предположить, что демографическая оценка 2009 г. существенно недоучитывала текущую численность титульного населения, абсолютно непонятны причины его масштабного роста в межпереписный период (2003–2011 гг.), составившего более 29%.

Миграционная динамика, скорее указывала на отток абхазов из республики в 2000-е гг., а коэффициент естественного прироста в этот период у титульных горожан составлял 1,0–2,9 %, у сельских жителей 2,8–3,3 % (причем имел отчетливую тенденцию к снижению) [Хашба, 2015]. Таким образом, в 2003–2011 гг. численность абхазов за счет естественной динамики могла вырасти не более чем на 1,5–2% (1,5–2 тыс. человек)¹.

Но если данные по численности титульного национального сообщества республики были серьезно завышены, то почти столь же очевидно и значительное занижение результатов обеих переписей по грузинскому населению Абхазии (42–45 тыс. человек). Отметим, что в 2009 г. президент Абхазии С.В. Багапш заявлял, что в Гальскую зону республики после конфликта 2008 г. вернулось примерно 60 тыс. грузин [Klussmann, 2009]. В диапазоне 60–80 тыс. человек располагались оценки и ряда исследователей [Ямсков, 2011, Mainville, 2009].

Таким образом, с большой вероятностью грузинское население Абхазии в последние 10–12 лет уступает абхазскому по численности не в 2,6–2,7 раз, как показывают результаты переписи 2011 г. и демографические оценки последующих лет, а только на 20–30%. И значит, грузины сохраняют позицию второго ведущего национального сообщества республики. Данные переписей о размерах других этнических групп республиканского населения, с большой вероятностью соответствуют действительности. Тем самым, общая численность населения Абхазии в 2010-е гг. должна была находиться в диапазоне 200–230 тыс. человек. При этом существенно иной, чем это следует из результатов переписи, была его этнодемографическая структура (табл. 1).

---

¹ Т.е. составлять в начале 2010-х гг. порядка 96–96,5 тыс. человек. Но и эта цифра не учитывает того, что уже перепись 2003 г. могла завышать реальную численность абхазов на 15–20 % [Ямсков, 2011].

Таблица 1

Этнодемографическая структура населения Абхазии, 2010-е гг.
(тыс. чел., %)

Показатели	абхазы	грузины	остальные	всего
<i>Численность, тыс. чел.</i>				
Данные переписи 2011 г. и текущего учета 2013–2017 гг.	122,2	46,5–46,8	71,9–72,3	240,7
Наиболее вероятный диапазон	80–90	50–70	70–72	200–235
<i>Удельный вес, %</i>				
Данные переписи 2011 г. и текущего учета 2013–2017 гг.	50,8–51,2	19,2–19,3	30	100
Наиболее вероятный диапазон	39–40	25–30	35	100

Оценивая этнодемографические перспективы Абхазии, следует учитывать, что основные национальные группы республики находятся на достаточно высоком уровне демографической модернизации и соответственно имеют либо минимальный положительный естественный прирост, либо характеризуются естественной убылью. Тем самым, естественная динамика не может существенным образом повлиять на их численность и удельное соотношение не только в ближайшие годы, но и в более отдаленном будущем¹. Заметные изменения могут быть связаны только с миграцией. Причем ожидать существенного притока в республику, в существующих этнополитических и социально-экономических обстоятельствах не приходится. Исходя из особенностей постсоветского развития Абхазии более вероятными представлялись бы сценарии новых волн масштабного оттока, в связи с очередными обострениями грузино-абхазских отношений.

Но российское военное присутствие в республике является серьезным стабилизирующим фактором, снижающим до минимума реализацию и таких кризисных сценариев. Таким образом, наиболее вероятным является сохранение достаточно ограниченных масштабов механической циркуляции республиканского населения, с небольшим итоговым сальдо.

Иными словами, существующий демографический формат Абхазии (депопуляционное состояние, в котором она оказалась после завершения войны) является новой устойчивой реальностью республики. В настоящее время размеры ее населения находятся на уровне середины 1920-х гг. И только серьезные геополитические подвижки в Кавказском макрорегионе способны существенно активизировать демографическую динамику республиканского населения. Соответственно, с большой вероятностью будет сохраняться ее сложившаяся национальная структура, как и этническая география.

---

¹ В долгосрочной перспективе, измеряемой рядом десятилетий, старение населения может привести к существенному росту показателя естественной убыли отдельных республиканских национальностей, прежде всего, русских.

Согласно опросам международных правозащитных организаций, грузинское население Абхазии по-прежнему остается ущемленным в своих гражданских правах и ограничено в социокультурных возможностях [Живущие неопределенностью, 2011]. Но есть все основания полагать, что, несмотря на это, грузины не только будут оставаться в Абхазии, но сохранят свое моноэтническое положение в Гальском районе (последние 15 лет доля грузин/мегрел составляет в нем 98–99%), а также продолжат количественно доминировать в Ткварчельском районе.

Среди причин этого – ограниченные демографические ресурсы самих абхазов, которых ощутимо не хватает не только для демографического освоения юга республики, но и активизации социально-экономического развития всей ее остальной территории. Существенно и то, что речь идет о субрегионе в котором грузинское (мегрельское) население является коренным, проживающим уже не одно столетие.

Наконец, не вызывает сомнения тот факт, что подобное уверенное демографическое удержание ряда территорий республики грузинским населением является одним из основных приоритетов современной и будущей (на всю возможную перспективу) политики Грузии на абхазском направлении. Данный курс можно оценивать, как очередную стадию грузино-абхазского противоборства, перемещенного в область демографии.

Территории республики, на которых этнические грузины (при этом в своей массе граждане Грузии)¹ абсолютно количественно доминируют или составляют демографическое большинство, в известном смысле могут быть маркированы как грузинская земля, часть большой Грузии. И поэтому грузинскому населению Абхазии гарантирована комплексная поддержка со стороны грузинской власти (вне зависимости от ее действующей политической генерации) и всего грузинского общества.

Абхазская сторона уже в первой половине 1990-х гг. фиксировала данную проекцию конфликта, не сомневалась в ее долговременном характере. С целью минимизации возможных последствий, практически сразу после победы в войне 1992–1993 гг., была предпринята административная реформа южного субрегиона. В 1994 г. создается новый Ткварчельский район, в который переводится часть территорий Очамчирского и Гальского районов. При этом ряд других поселений последнего передается Очамчирскому району. Проведенная реформа позволила вдвое сократить площадь Гальского района, представляющего отдельную административно-территориальную единицу с моноэтническим расселением грузинского (мегрельского) населения.

При этом грузинским беженцам было запрещено возвращаться на территории, расположенные за пределами Гальской зоны (территории района в его советских

---

¹ Проведенный в 2015 г. опрос населения Гальского района обнаружил, что из подавляющее большинство опрошенных (17,37 тыс. из 18,07 тыс. чел.) являются гражданами Грузии). При этом паспорт Абхазии имело 7,13 тыс. респондентов.

границах). Административная реформа и своего рода «черта оседлости» позволили существенно сократить потенциальную демографическую проекцию конфликта, сведя ее к территории значительно усеченного Гальского района.

Подобные действия абхазской стороны могут оцениваться по-разному. Но можно сравнить их с этнодемографическими последствиями другого вооруженного конфликта, имевшего место на Южном Кавказе на рубеже — в начале 1990-х гг. В период наиболее активных боевых действий (1993–1994 гг.) армянская сторона в Нагорном Карабахе не только вытеснила азербайджанскую военную группировку за пределы республики, но и взяла под контроль шесть сопредельных районов Азербайджана с населением более 390 тыс. человек, подавляющее большинство которых являлись азербайджанцами, полностью покинувшими эти территории. Если в конце 1980-х гг. в пределах будущей Нагорно-Карабахской республики проживало более 430 тыс. азербайджанцев, то в середине 2000-х гг. оставалось 6 человек [Nagorno-Karabary census, 2005].

По сравнению с таким радикальным решением этнодемографической компоненты межнационального конфликта абхазский сценарий выглядит куда более компромиссным. Хотя очевидно, что и он ни в коей мере не может устроить грузинскую сторону.

ДОНБАСС

Самые существенные демографические последствия имел и вспыхнувший в 2014 г. вооруженный конфликт на востоке Украины. Период активных боевых действий растянулся на несколько месяцев. Оценки общего числа жертв этого конфликта различаются многократно (называются цифры от 8–9 до 50–55 тыс. человек). Но наиболее вероятным представляется количественный диапазон в 14–17 тыс. человек [Войны и население..., 2019, с. 604].

Куда более весомыми оказались косвенные потери, связанные с ухудшением естественно-воспроизводственных характеристик населения и его масштабным оттоком за пределы региона. На пике вооруженного противостояния (июль–август 2014 г.), число покинувших Донбасс достигало 1,5–2 млн человек [Суцкий, 2016]. В дальнейшем значительная часть этого населения вернулась к местам постоянного проживания. Но от 0,6 до 1 млн жителей региона в 2014–2020 гг. переехало на ПМЖ в Россию или в другие области Украины.

В свою очередь, падение уровня жизни, осязаемое снижение качества социальной инфраструктуры (в т.ч. здравоохранения), негативный социопсихологический фон стали причиной осязаемого роста масштабов естественной убыли населения. Уровень рождаемости в регионе во второй половине 2010-х гг. в среднегодовом исчислении сократился на 1–2% и примерно на столько же вырос показатель смертности. В результате такой устойчивой «недорождаемости» и сверхсмертности Донбасс косвенно теряет в год порядка 13–20 тыс. человек [Войны и население...,

2019, с. 604]. А общие потери за 2014–2020 гг. могли составить 90–140 тыс. человек.

Тем самым, за данный период общее население региона могло сократиться с 6,6 млн человек (2013 г.) до 5,4–6,0 млн человек (2020 г.)¹. Но вооруженный конфликт и появление самопровозглашенных республик имели и отчетливую этнодемографическую проекцию. Как уже отмечалось, причинное основание противостояния на востоке Украины не было жестко увязано с национализмом. Однако есть основания полагать, что осязаемое большинство регионального русского населения приняло сторону ополчения, а весомая доля местных украинцев хотела бы, чтобы Донбасс не выходил из состава Украины.

Определенная «сепарация» местного населения по национальному признаку началась с начала интенсивного оттока из зоны конфликта, т.е. уже в летние месяцы 2014 г. Украинацентричные (в своей массе украинцы) жители Донбасса перемещались из региона в пределы других областей Украины, а русскоцентричное население (с повышенной долей русских) при отъезде преимущественно ориентировалось на Россию.

Таким образом, к моменту стабилизации линии фронта и прекращения активных боевых действий (осень 2014 г.) некоторое этнокультурное размежевание двух этнополитических региональных социумов, начавших формироваться в пределах Донбасса, уже состоялось. Хотя преувеличивать его масштабы ни в коем случае не стоит.

Чтобы оценить возможную этнодемографическую динамику региона во второй половине 2010-х гг., необходимо хотя бы в самом общем виде представить этническую структуру его населения на рубеже – в начале XXI в. На две основных национальных группы (украинцы и русские) по переписи 2001 г. приходилось более 95% населения Донбасса. При этом украинцы составляли 57,2% жителей региона, русские – 38,5% [Всеукраинская перепись населения 2001].

Но в территориальных пределах будущих народных республик Донбасса количественная доминанта украинцев была менее выражена – на них приходилось порядка 50–52% местного населения, а русские составляли 40–43%. Причем еще в конце 1980-х гг. это соотношение было близким к паритету, а в пределах наиболее урбанизированной зоны восточного Донбасса, заключавшей подавляющую часть его населения (порядка 85–90%), доля русских превосходила удельный вес украинцев и стала уступать ей только в постсоветский период.

Весьма существенно и то, что Донбасс является территорией с максимально высокой долей смешанного русско-украинского населения. Если в пределах всего русскоязычного юго-востока Украины биэтнофоры (потомство русско-украинских браков) в

---

¹ Притом, что на своем историческом максимуме в 1993 г. население Донецкой и Луганской областей составляло 8,25 млн человек, т.е. примерно на 27–35 % больше.

середине 2000-х гг. составляло более 40% населения [Хмелько, 2011], то в Донецкой и Луганской областях к ним могло принадлежать до 50–60% местных жителей.

Иными словами, в начале XXI в. более половины населения Донбасса по праву «крови» могло самоопределяться как русскими, так и украинцами. В условиях независимой Украины, с нарастающим националистическим креном в общественной жизни, принадлежность к титульному народу для части биэтнофоров стало более целесообразным выбором, что и зафиксировала перепись Украины 2001 г., обнаружив сокращение численности русских на Донбассе за 1989–2001 гг. почти на 760 тыс. человек.

Аналогичное масштабное сокращение русского населения было зафиксировано и в Крыму. Но перепись 2015 г., проведенная на полуострове после его возвращения в состав России, обнаружила столь же значительный возвратный демографический рост численности русских. Иными словами, доминировавший в 1990–2000-е гг. тренд этнокультурной украинизации населения Донбасса был в значительной степени формальной величиной, фиксирующей в первую очередь сумму адаптационно-маскировочных практик, а не реальное этнокультурное самоощущение местного населения, в значительной степени представленного людьми сдвоенной национальной идентичности. Исключая колебания, связанные с проявлениями такой социальной мимикрии, можно говорить о примерном количественном равновесии двух основных народов восточного Донбасса в 1990–2000-е гг.

В этом отношении военный конфликт и последующее все более глубокое размежевание республик и остальной Украины стали для жителей Донбасса мощным потрясением, потребовавшим от массы людей, до этого легко совмещавших в себе обе идентичности, более однозначного внутреннего национального самоопределения, поскольку от него теперь в значительной степени мог зависеть выбор жизненного сценария, его траектория. Причем для немалой части биэтнофоров Донбасса выбор национальной идентичности после 2014 г. стал проекцией индивидуальной гражданской позиции. Патриоты Украины в большинстве своем самоопределялись как украинцы, а рускоцентричные биэтнофоры относили себя к русскому народу.

Тем самым, этнодемографические последствия военного конфликта должны были оказаться для региона самыми ощутимыми. Но отсутствие достоверной этнодемографической статистики по Донбассу в целом и обеим его частям, заставляют ограничиваться рядом общих предположений. Очевидно, что политическая эволюция и социально-экономическая динамика республиканского и украинского Донбасса с 2014 г. во многом определяют направление этнодемографической динамики населения региона. Значительную часть миграционного оттока из его украинской части в пределы республик и в Россию в последние годы составляли русские (включая биэтнофоров, идентифицирующих себя как русских). Следовательно, количественный и долевым перевес украинцев в населении районов Донбасса, контролируемых Киевом, должен постепенно возрастать (тем более, что местные русские в последние годы являются объектом масштабной программы социокультурной украинизации).

Соответственно, обратной по своему направлению была эволюция этнической структуры населения самопровозглашенных республик, которые постепенно покидало украиноцентричное население, по крайней мере, та его часть, которая оставалась после 2014 г. в ожидании скорого возвращения киевской власти. По мере утраты этой надежды территорию ДНР и ЛНР в последние годы могло оставить несколько десятков тысяч украинских жителей восточного Донбасса.

И уже во второй половине 2010-х гг. удельное соотношение русских и украинцев в пределах республик могло заметно «подравняться». Особенно после массового возвращения в ДНР и ЛНР беженцев из российских регионов, представленных в значительной степени русским и русскоцентричным смешанным населением. Таким образом, закрепление самопровозглашенных республик в качестве достаточно устойчивых государственных образований, работало на количественный и долевого рост русского населения. Переход даже 10–15% местных биэтнофоров от украинской идентичности к русской могло увеличить численность русских ДНР на 80–130 тыс. чел., ЛНР – на 50–70 тыс. (и, соответственно, на такую величину сократить число местных украинцев).

Поэтому есть все основания полагать, что проведенные в конце 2019 г. в восточном Донбассе две республиканские переписи населения, результаты которых пока не обнародованы, уже должны фиксировать некоторый демографический перевес русских или равновесие двух ведущих национальностей региона (что является возвращением ситуации, характерной для конца советского периода). Учитывая, что численность наличного населения двух республик в 2019–2020 гг. могла составлять порядка 2,6–2,9 млн человек (1,5–1,8 млн – Донецкой и 1,0–1,1 млн – Луганской), русское население восточного Донбасса в настоящее время может составлять 1,15–1,45 млн, украинское – 1–1,15 млн человек.

В дальнейшем, при сохранении существующего статуса республик, это соотношение будет все более смещаться в сторону уже обозначившегося в республиках русского этнокультурного большинства. При этом, что по другую сторону границы, на территориях Донбасса, подконтрольных Киеву, этнодемографический тренд будет прямо противоположным и также достаточно быстрым по своим темпам.

В расселенческом плане этнодемографическая динамика населения региона также может отличаться известной спецификой. Городская система Донбасса (как и всего юго-востока Украины) традиционно отличалась повышенной долей русского населения и биэтнофоров, тогда как на сельских территориях количественно доминировали этнические украинцы. Очевидно, что высокая концентрация последних в сельских районах республик будет препятствовать их быстрому обрусению, в отличие от городской среды, в которой данный процесс может идти ускоренным темпом, приведя к ощутимым результатам уже через 10–15 лет. А на территориях Донбасса, подконтрольных Киеву, может наблюдаться зеркальная этнодемографическая динамика – русское сельское население, особенно расселенное дисперсно среди украинцев, будет подвергаться более быстрой ассимиляции, чем крупные массивы русских горожан.

Таким образом, социально-политическая судьба двух частей региона будет в значительной степени определять дальнейшую этническую динамику их населения. Но практически любой из возможных сценариев будущей демографической динамики Донбасса будет сопряжен с неуклонной убылью его населения. Каковы бы ни были итоги противостояния на востоке Украины, демографические (как естественные, так и миграционные) потери региона, стоившие ему уже порядка 1 млн жителей, в ближайшие 10–15 лет будут исчисляться в сотнях тысяч человек.

* * *

Анализ этнодемографических процессов в постсоветских обществах ближнего зарубежья России, прошедших через войны, обнаруживает несколько системных последствий. Если в результате вооруженного конфликта возникала новое непризнанное государство, численность его наличного населения всегда оказывалась значительно меньше, чем у социума, существовавшего в данных территориальных пределах до войны. Основной причиной депопуляции являлся масштабный миграционный отток.

Если в центре причинного основания конфликта располагались межнациональные противоречия, данная демографическая убыль имела отчетливую национальную маркировку. Максимально сокращалось население, представлявшего проигравшую национальную сторону. Этнодемографическая динамика Абхазии является характерной иллюстрацией такого сценария.

Но и в постсоветских войнах, порожденных не межнациональными противоречиями, серьезные этнодемографические сдвиги в структуре населения оказывались неизбежными. Поскольку в той или иной форме, конфликт все равно включал этносоциокультурную составляющую, которая после завершения вооруженной стадии становилась значимым фактором этнодемографической эволюции данного общества, представлявшей устойчивый тренд способный уже в среднесрочной перспективе (10–15 лет) существенно изменить соотношение основных национальностей. Пример двух частей (украинского и республиканского) современного Донбасса дает пример такого поступательного этнодемографического сценария.

Существенно и то, что негативные демографические последствия военных конфликтов оказывали общесистемное воздействие на послевоенные общества. Именно масштабная депопуляция Абхазии предопределила последующий экстенсивный сценарий развития республики. Для активизации местной экономики и социальной сферы ей ощутимо не хватает трудовых ресурсов и, в целом, человеческого капитала.

Удельные потери населения Донбасса были значительно меньше (10–20%). Однако в существующих обстоятельствах (незаконченный конфликт, потери индустриального, логистического, социального потенциала, утрата рынков сбыта) эта демографическая убыль становится почти критической, минимизируя возможности республик выбраться на путь динамичного развития.

Итак, в обоих изученных обществах военные победы, позволившие добиться политической независимости, в социально-экономическом плане фактически обернулись поражением. В этом плане Абхазия и Донбасс не были исключением, иллюстрируя общую закономерность, обнаруживаемую у всех постсоветских непризнанных государственных образований.

Выиграв войну, они были малоуспешны в социально-экономическом развитии, оказываясь не в состоянии обеспечить своему населению уровень жизни сопоставимый хотя бы с тем, который оно могло иметь в составе покинутого ими «материнского» государства. Впрочем, данное обстоятельство не аргумент для победившей стороны, по крайней мере, тех ее представителей, для которых вооруженный конфликт был войной за родину. Ведь ее независимость бесценна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абхазия – этнический состав: перепись населения 2011 года. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения – 5 сентября 2020 г.).

Администрация Галского района путем опроса населения выявила 17372 граждан Грузии. URL: <http://abkhazinform.com/item/747-administratsiya-galskogo-rajona-putem-oprosa-naseleniya-vyuavila-17-372-grazhdan-gruzii> (дата обращения – 7 сентября 2020 г.).

Багапш Н.В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX–начало XXI вв.). Сухум: «Абиги», 2017. 280 с.

Багапш Н.В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX–начало XXI вв.). Сухум: «Абиги», 2019. 384 с.

Войны и население Юга России в XVIII–начале XXI в. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

Всеукраинская перепись населения 2001 года. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/> (дата обращения – 8 сентября 2020 г.).

Живущие неопределенностью. Положение этнических грузин, возвращающихся в Гальский район Абхазии. Хьюман Райтс Вотч. 2011. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2011/07/15/256227> (дата обращения – 7 сентября 2020 г.).

Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // *Социологические исследования*. 1999. № 6. С. 66–71.

Суций С.Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // *Наука Юга России*. 2016. Т. 12. № 2. С. 82–90.

Хашба А.Ш. Этнодемографические процессы в современной Абхазии. Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени канд. истор. наук. Сухум, 2015. URL: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html (дата обращения – 5 сентября 2020 г.).

Хмелько В.Е. Социальная основа расхождения электоральных предпочтений двух частей Украины на выборах 2004–2007 годов // *Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы*. СПб.: Эйдос, 2011. С. 398–409.

Чисельність населення. URL: <http://ukrstat.gov.ua/> (дата обращения – 20 апреля 2019 г.).

Этнокавказ. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html> (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

Ягужинский В. В чем причины и суть приднестровского конфликта? URL: <https://web.archive.org/web/20070310200120/http://www.nr2.ru> (дата обращения – 11 сентября 2020 г.).

Ямсков А.Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии в середине 2000-х годов // *Вестник МГИМО*. 2010. № 3. С. 18–26.

Ямсков А.Н. Население Абхазии: постсоветские изменения в свете этнодемографии и этногеографии // *Курсом развивающейся Молдовы*. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М.: Старый сад, 2009. С. 232–233.

Klussmann U. «We Won't Beg for Diplomatic Recognition». Interview with Abkhazian President Sergei Bagapsh // *Spiegel*. June 16, 2009. URL: <http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,636532,00.html> (дата обращения – 25 апреля 2010 г.).

Nagorno-Karabakh census 2005. URL: <http://pop-stat.mashke.org/nkr-census.htm> (дата обращения – 18 августа 2019 г.).

Mainville M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends // *Agence France-Presse (AFP)*. June 16, 2009. URL: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafp/georgiarussiaunabkhaziaconflictdiplomacy20090616141732> (дата обращения – 30 августа 2020 г.).

REFERENCES

Abhaziya – etnicheskij sostav: perepis' naseleniya 2011 goda [Abkhazia – Ethnic Composition: 2011 Population Census]. Available at: <http://pop-stat.mashke.org/> (accessed 5 September 2020).

Bagapsh N.V. *Etnodemograficheskie processy v Suhume (konec XIX–nachalo XXI vv.)* [Ethno-demographic processes in Sukhum (late XIX–early XXI centuries)]. Sukhum: “Abigi”. 2017. 280 p. (in Russian).

Bagapsh N.V. *Etnodemograficheskie processy v Gudaute (konec XIX–nachalo XXI vv.)* [Ethno-demographic processes in Gudauta (late XIX–early XXI centuries)]. Sukhum: “Abigi”, 2019. 384 p. (in Russian).

Voyny i naselenie YUga Rossii v XVIII–nachale XXI v. [Wars and the population of the South of Russia in the XVIII–early XXI centuries]. Moscow: ROSSPEN, 2019. 767 p. (in Russian).

Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001 goda. [All-Ukrainian Population Census. 2001]. Available at: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/> (accessed 8 September 2020).

ZHivushchie neopredelennost'yu. Polozhenie etnicheskikh gruzin, vozvrashchayushchihsya v Gal'skij rajon Abhazii. [Living in uncertainty. The situation of ethnic Georgians returning to the Gali region of Abkhazia]. Human Rights Watch 2011. Available at: <https://www.hrw.org/ru/report/2011/07/15/256227> (accessed 7 September 2020).

Mukomel V.I. Demograficheskie posledstviya etnicheskikh i regional'nyh konfliktov v SNG [Demographic consequences of ethnic and regional conflicts in CIS], in *Sociologicheskie issledovaniya*. 1999. № 6. Pp. 66–71 (in Russian).

Suschij S.Ya. Voennyj konflikt na vostoке Ukrainy: demograficheskie poteri i sdvigi v nacional'noj strukture naseleniya Donbassa. [Military conflict in the east of Ukraine: demographic losses and shifts in the national structure of the Donbass population], in *Nauka YUga Rossii*. Vol. 12. 2016. № 2. Pp. 82–90 (in Russian).

Khashba A.Sh. *Etnodemograficheskie processy v sovremennoj Abhazii.* [Ethno-demographic processes in modern Abkhazia]. Abstract for the degree to-that ist. sciences. Sukhum, 2015. Available at: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html (accessed 5 September 2020) (in Russian).

Khmelko V.E. Social'naya osnova raskhozhdeniya elektoral'nyh predpochtenij dvuh chastej Ukrainy na vyborah 2004–2007 godov [The social basis of the divergence of electoral preferences of the two parts of Ukraine in the 2004–2007 elections], in *Sociologiya vchera, segodnya, zavtra. Novye rakursy*. St.Petersburg: Eidos. Pp. 398–409 (in Russian).

CHisel'nist' naseleynya. [The number of the population]. Available at: <http://ukrstat.gov.ua/> (accessed 20 April 2019).

Etnokavkaz. [Ethnocaucasus]. Available at: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html> (accessed 10 September 2020).

Yaguzhinsky V. *V chem prichiny i sut' pridnestrovskogo konflikta?* [What are the causes and essence of the Transnistrian conflict?]. Available at: <https://web.archive.org/web/20070310200120/http://www.nr2.ru> (accessed 11 September 2020).

Yamskov A.N. Problemy opredeleniya chislennosti abhazov i gruzin v Abhazii v seredine 2000-h godov [Problems of determining the number of Abkhaz and Georgians in Abkhazia in the mid-2000s], in *Vestnik MGIMO* 2010. № 3. Pp. 18–26 (in Russian).

Yamskov A.N. Naselenie Abhazii: postsovetskie izmeneniya v svete etnodemografii i etnogeografii [The population of Abkhazia: post-Soviet changes in the light of ethnodemography and ethnogeography], in *Kursom razvivayushchejsya Moldovy*. Vol. 8. Moscow: Old Garden, 2009. Pp. 232–233 (in Russian).

Klussmann U. “We Won't Beg for Diplomatic Recognition”. Interview with Abkhazian President Sergei Bagapsh, in *Spiegel*. 2009. June 16. Available at: <http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,636532,00.html> (accessed 25 April 2010).

Nagorno-Karabakh census 2005. Available at: <http://pop-stat.mashke.org/nkr-census.htm> (accessed 18 August 2019).

Mainville M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends, in *Agence France-Presse (AFP)*. 2009. June 16. Available at: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafp/georgiarussiaunabkhaziaconflictdiplomacy20090616141732> (accessed 30 August 2020).